

Лебедев А. П. Ошибка: (Критико-библиографический эскиз):
[По поводу ответа Самуилова В. Н. на критическую статью
о его книге] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 11.
С. 302—321 (2-я пагин.).

О Ш И Б К А.

(Критико-библиографическій эскизъ).

Въ майской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ нами помѣщена была критическая статья: „мысли и чувства по поводу одного русскаго открытія въ области науки древней церковной исторіи“ — статья, касающаяся книги В. Самуилова: „Исторія аріанства“ и проч... Этою статьей авторъ, какъ и естественно, остался недоволенъ и далъ на нее отвѣдъ, озаглавивъ эту послѣднюю: „Отвѣтъ на статью профессора А. Лебедева“ и т. д. (Христ. Чт. Сент.-Окт., стр. 406—425).

Здѣсь онъ, между прочимъ, выставляетъ себя, вопреки ожиданіямъ, —нашимъ сторонникомъ по вопросу объ отношеніи Евсевія Кесарійскаго къ аріанству, —вопросу, о которомъ рѣчь шла въ вышеупомянутомъ критическомъ разборѣ его воззрѣній, именно касательно этихъ отношеній. А сторонникомъ нашимъ онъ почитаетъ себя потому, что, какъ ему кажется, и у насъ въ сочиненіи „Вселенскіе соборы IV-го и V-го вѣка“ (1879 г.) выражены будто-бы, тѣ-же мысли, какія раскрыты потомъ и въ его книгѣ „Исторія аріанства“. Авторъ пишетъ: „тамъ (т. е. въ сочиненіи: Вселенскіе соборы“) онъ (т. е. я) ясно и съ полнымъ убѣжденіемъ, ссылаясь на авторитетъ Баура (?!), высказываетъ мысль, что Евсевій Кесарійскій былъ главой значительной аріанской группы на соборѣ Никейскомъ и послѣ Никейскаго періода. Различіе нашихъ воззрѣній отъ воззрѣній профес. Лебедева 1879-го года по вопросу объ Евсевіи заключалось лишь въ томъ, что тѣ-же мысли, какія

онъ просто высказывалъ, мы старались посильно и мотивировать“ („Отвѣтъ“, стр. 407. 412).

Неужели это правда? Мы этого совсѣмъ не знали. По точному счету самаго автора въ его книгѣ 760 примѣчаній („Отв.“, 407), но ни въ одномъ изъ этихъ безчисленныхъ примѣчаній не было дано знать читателю объ этомъ приятномъ для насъ обстоятельстве.

Мало того: мы отнюдь не могли догадываться, что авторъ идетъ по нашимъ стопамъ—и лишь „посильно старается мотивировать“ наши-же мысли.

Представимъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ было-бы видно, какъ далеки въ самомъ дѣлѣ мысли автора отъ нашихъ.

Вотъ, на прим., приходится говорить автору объ известномъ Евсевиі Никоидійскомъ, этомъ „великомъ“ человѣкѣ по арианскимъ сужденіямъ (у Филосторгія, въ его отрывкахъ). Кто-бы могъ подумать, что авторъ сдѣлаетъ его послѣдователемъ Евсевія Кесарійскаго? Но авторъ дѣлаетъ—и поступаетъ при этомъ очень хитроумно. Онъ анализируетъ посланіе Евсевія Никоидійскаго къ Павлину Тирскому и, указывая результаты этого анализа, какъ будто случайно пропускаетъ ясно выраженное здѣсь ученіе Евсевія о тварности Сына Божія (*χριστόν εἶναι*—дважды. Theodor. Hist. cap. V (VI)—признакъ крайняго арианства. И вотъ въ заключеніе выходитъ, что будто-бы Никоидійскій епископъ былъ, по терминологіи автора, „оміемъ“, т. е. человѣкомъ учившимъ о Сынѣ Божіемъ схоже съ Евсевіемъ Кесарійскимъ. (Самуиловъ. „Ист. ариан.“, 48). Такими-то путями Евсевій Никоидійскій превращается въ послѣдователя Евсевія Кесарійскаго. Но такъ еще никто не поступалъ: ни Бауръ, ни я и никто другой, сколько нибудь уважающей науку.

Урсакій и Валентъ—двое иллирійскихъ епископовъ арианскихъ—привлекаются авторомъ въ число приверженцевъ ученія Евсевія Кесарійскаго другимъ, но тоже необыкновеннымъ способомъ. Эти два „несомнѣнно талантливые“ человѣка (какъ аттестуетъ ихъ авторъ. *ibid.* 4) ¹⁾ не имѣли

¹⁾ Намъ очень занимаетъ вопросъ—въ какомъ смыслѣ и на какомъ основаніи г. Самуиловъ именуетъ Урсакія и Валента „несомнѣнно талантливыми“,—но всѣ попытки уяснить себѣ вопросъ остались безуспѣшны. Впрочемъ, можно полагать, что представленія автора о талантливости не

никакого отношенія къ Евсевию Кесарійскому; но автору тѣмъ не менѣе очень захотѣлось включить ихъ въ число послѣдователей названнаго ученаго епископа. Для достиженія цѣли, авторъ пускается въ нѣкоторыя хронологическія вычисленія, сами по себѣ не убѣдительныя (ibid. 11—12. 52); да къ тому же эти вычисленія оказываются неправильными („Христ. Чт.“ 1891, I, 441 и дал.): Ни Бауръ, ни я и никто еще другой не давали автору повода подобнымъ способомъ „мотивовать наши мысли“.

Максиминъ „талантливый защитникъ аріанства“ („Христ. Чт.“ 1891, I, 119), по воззрѣніямъ автора, руководствовался „авторитетомъ Евсевія Кесарійскаго и былъ вполне вѣрнымъ его послѣдователемъ“ (Самуиловъ. „Ист. аріан.“, 142). А въ доказательство, за неимѣніемъ нужнаго свидѣтельства, приводится выдержка изъ одного письма, но не Максимиана, а аріанина Авксентія: hoc et Eusebius (hi)—

сходятся съ обыкновенными представленіями на этотъ счетъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ слѣдующее: на стр. 11 и 12 своей книги авторъ говоритъ: „первая замѣчательная битва между войсками (императора Констанція и узурпатора Магненція) произошла 28-го сентября 351-го года близъ Мурсы, гдѣ епископомъ былъ Валентъ (нашъ Валентъ). Во время битвы Констанцій удалился въ загородную церковь на молитву. Валентъ воспользовался этимъ случаемъ. Заранѣе поставивъ цѣль вѣстниковъ, извѣщавшихъ его о ходѣ битвы, въ моментъ пораженія Магненція, Валентъ первый объявилъ императору о счастливомъ исходѣ битвы. На вопросъ, изумленнаго Констанція: отъ кого онъ узналъ это, Валентъ смѣло отвѣчалъ, что ангелъ открылъ ему эту радостную вѣсть. Императоръ повѣрилъ и съ тѣхъ поръ обыкновенно говорилъ, что онъ обязанъ побѣдой не силѣ войска, а заслугамъ Валента. Эта побѣда—продолжаетъ авторъ—имѣла важное значеніе для послѣдующей исторіи аріанства. *Талантливый* представитель омійства приобрѣлъ сильное вліяніе на Констанція“. Всякій другой писатель, рассказавъ вышеизложенный историческій фактъ, безъ сомнѣнія назвалъ бы Валента мошенникомъ, но нашъ авторъ,— вмѣсто столь умѣстнаго здѣсь эпитета — мошенникъ, — считаетъ себя въ правѣ употребить эпитетъ „талантливый“.— Авторъ беретъ подъ свою защиту Урсакія и Валента и въ томъ случаѣ, когда они руководятся извѣстнымъ правиломъ: цѣль оправдываетъ средства. Что мы ни чуть не преувеличиваемъ, это открывается изъ слѣдующихъ словъ автора на стр. 4: „Келлингъ отрицаетъ у нихъ (Урсакія и Валента) религіозныя убѣжденія. Выводъ неправиленъ, — заявляетъ авторъ, — потому что, временными уступками Констанцію, они достигали главной своей цѣли. Благодаря уступкамъ, они не теряли вліянія на Констанція и чрезъ него доставили омійству побѣду (sic!) надъ остальными группами аріанства“. — Разсужденіе золотое.

storiographus ²⁾). Не думаемъ, чтобъ и самъ Бауръ ³⁾ рѣшился присвоить Максимино достоинство „вполнѣ вѣрнаго послѣдователя Евсевіева“—на основаніи такого не твердаго свидѣтельства. Не догадались и мы, что изслѣдователь, т. е. г. Самуиловъ, въ подобныхъ случаяхъ лишь „мотивируетъ“ наши мысли.

Ульфила, епископъ Готскій, введенъ авторомъ въ кругъ послѣдователей и почитателей Евсевія Кесарійскаго—безъ всякихъ основаній. „Обычный взглядъ на ученіе Ульфила заключается въ томъ, что онъ развилъ—замѣчаетъ авторъ—оригинальную систему и многое заимствовалъ у аноміевъ“ (Евномія) *ibid.* 121). Но для автора обыкновенный взглядъ не обязателенъ. Онъ находитъ болѣе умѣстнымъ (не владѣя однакожъ ни однимъ новымъ документомъ) держаться не „обычнаго взгляда“ и объявляетъ Ульфилу „послѣдователемъ Евсевія Кесарійскаго“. Ясное дѣло — догадаться: чьи именно мысли взялся „мотивировать“ г. Самуиловъ—возможности не открывалось.

Еще одинъ примѣръ: — „Евсевіане“. Кто не знаетъ: какая аріанская партія разумѣется подъ Евсевіанами? Всѣ

²⁾ Не слѣдуетъ упускать изъ вниманія еще вотъ что: не всякій-то аріанинъ, знакомый съ сочиненіями Евсевія, непремѣнно восторгался его догматическими идеями. Примѣръ—Филосторгій: хотя онъ и цѣнитъ церковно-историческіе труды Евсевія, но въ то-же время порицалъ его за его догматику (Филосторгія I, 2). Вообще автору слѣдовало-бы хорошенько изучить Филосторгія, ибо этотъ аріанинъ внесъ-бы не мало поправокъ въ яко-бы научныя разсужденія автора. Жаль, что авторъ мало совѣтовался съ Филосторгіемъ, который такъ мало расположенъ и къ Евсевію Кесарійскому и къ его „ученику“ Акакію.

³⁾ Кстати нѣчто о Баурѣ.—Авторъ, т. е. В. Н. Самуиловъ, съ намѣреніемъ ставитъ на видъ (см. выше) то, что будто мы, опираясь на *авторитетъ Баура* раскрываемъ наши воззрѣнія на отношенія Евсевія Кесарійскаго къ полуаріанамъ. Въ „отвѣтъ“ автора Бауръ замѣняетъ извѣстное слово „жупель“, которое возбуждало, по увѣренію Островскаго, панической страхъ въ сердцахъ невѣжественной представительницы слабого пола. Авторъ произноситъ слово „Бауръ“ и смотритъ: какое впечатлѣніе произведетъ оно окрестъ. Впрочемъ, онъ достаточно наказанъ за свой поступокъ. Въ жару полемики онъ не сообразилъ вотъ какого обстоятельства: если я въ своихъ воззрѣніяхъ, по его увѣренію, слѣдую Бауру, а мои воззрѣнія „посильно мотивируетъ“ самъ В. Н. Самуиловъ, то въ концѣ концовъ выходитъ, что сей послѣдній несомнѣнно является комментаторомъ Бауровскихъ мыслей.

церковные историки, не исключая Баура, согласно свидѣтельствамъ такихъ авторитетныхъ писателей четвертаго вѣка; какъ Аѳанасій Великій и Евстаѳій Антиохійскій—говорятъ, что подъ Евсевіанами надлежитъ разумѣть партію Евсевія Никомидійскаго. Но нашъ авторъ не хочетъ слѣдовать ни свидѣтельствамъ отцевъ церкви, ни единому 'голосу' историковъ церковныхъ, а поступаетъ такъ: сначала приводитъ коротенькую греческую фразу: *οἱ περὶ Εὐσεβίων* (винит. под. *един.* числа) съ присовокупленіемъ замѣчанія: „восточные ариане назывались по имени вождей“ (стр. 2, примѣч. 3); затѣмъ нѣсколько разъ заявляетъ: „вожди восточнаго арианства *Евсевій Кесарійскій* (ему дается первое мѣсто: почему?), Евсевій Никомидійскій“ и проч. (стр. 6 и др.); затѣмъ нѣсколько же разъ употребляется выраженіе: „Евсевіане“ (стр. 7) безъ всякаго объясненія, по имени *какого* изъ двухъ Евсевіевъ такъ называются ариане; затѣмъ возвращается, что „главой группы оміевъ слѣдуетъ признавать Евсевія Кесарійскаго“ (42); наконецъ ведется рѣчь объ Евсевіи Никомидійскомъ, причѣмъ авторъ прямо говоритъ; „онъ примыкалъ по своимъ воззрѣніямъ къ Евсевію Кесарійскому“ (48). Читатель, не особенно знакомый съ сочиненіями св. Аѳанасія и знакомящійся съ арианствомъ по книгѣ В. Н. Самуилова, самымъ непозволительнымъ образомъ умышленно введенъ въ заблужденіе авторомъ. Помня, что *οἱ περὶ Εὐσεβίων* (слова св. Аѳанасія—цитаты, впрочемъ, у автора *почему-то* не имѣется на сей разъ)—значить: приверженцы Евсевія (*одного*), и встрѣчая разъясненія В. Н. Самуилова, что главой оміевъ былъ Евсевій Кесарійскій, а Евсевій Никомидійскій былъ оміемъ, примыкавшимъ къ этому послѣднему, — читатель долженъ повѣрить автору, что подъ Евсевіанами у св. Аѳанасія (фразу котораго онъ приводитъ на греческомъ языкѣ) разумѣются приверженцы Евсевія Кесарійскаго. Понятно, что ходить подобными путями—совсѣмъ не позволительно. Невольно подумаешь, что Аѳанасій и его свидѣтельства, которыми вѣрить даже Бауръ, не нужны иному русскому ученому. Спрашивается: могъ-ли я догадаться, что В. Н. Самуиловъ раздѣляетъ мои „мысли просто высказанныя“, лишь только „посильно мотивируя ихъ“? Не могъ. Авторъ

извратилъ не только мои мысли (это бы еще не большая бѣда), но и мысли мужей бѣльшихъ меня.

Самуиловъ, заявляя о томъ, что онъ „старался мотивировать тѣ самыя мысли, какія я просто высказывалъ“, — этимъ самымъ аттестуетъ меня съ самой нелестной стороны: онъ объявляетъ меня человекомъ, который не сумѣлъ отличить своихъ друзей отъ недруговъ и который, вступивъ съ нимъ въ литературную полемику, сдѣлалъ громадную *ошибку*. Если мы повѣримъ заявленіямъ г. Самуилова, то придется допустить, что мы сдѣлали въ самомъ дѣлѣ *ошибку*, но ошибку вполне извинительную, ибо, какъ видно изъ сейчасъ приведенныхъ примѣровъ, признать автора нашимъ сторонникомъ, раньше сдѣланныхъ имъ на этотъ счетъ заявленій, мы ни подъ какимъ видомъ не могли.

Должны сказать болѣе того. И теперь, послѣ всѣхъ его разъясненій, мы отнюдь не расположены считать его нашимъ приверженцомъ и послѣдователемъ, въ какіе онъ напрашивается. А почему? Да потому, что онъ сдѣлалъ научное „открытіе“ грандіозное, о которомъ и мечтать мы не смѣли. Вѣдь не даромъ-же мы писали въ прежней статьѣ: „пристальное изученіе документовъ привело автора (Самуилова), казалось, къ блестящей мысли, что *почти всѣ* аріане, представлявшіе своими доктринами такой хаосъ, въ сущности имѣли *одного руководителя*, слѣдовали *одной* готовой *системѣ* и при всемъ разнообразіи мыслили по самымъ существеннымъ вопросамъ одинаково, опираясь на *одного* ими признаваемый авторитетъ. Кто-же этотъ руководитель аріанъ? (вопрошалъ я). Чья система легла въ основу *разнообразныхъ* аріанскихъ доктринъ? Лица всѣмъ извѣстнаго и славнаго, сочиненія котораго на столѣ у всѣхъ церковныхъ историковъ давняго и нашего времени. Руководителемъ аріанъ, по изслѣдованіямъ автора, былъ знаменитый Евсевій, епископъ Кесарійскій, безсмертный церковный историкъ... Каково открытіе?.. О Бауры, Неандеры, Гарнаки, Гуоткины посыпьте пепломъ главы ваши отъ печали, что проглядѣли вы то, что сумѣлъ рассмотреть молодой русскій ученый“... Да, не все писалъ я прежде эти строки. Я готовъ повторить ихъ и теперь. Авторъ сдѣлалъ „открытіе“ столь же грандіозное по плану, сколь несообразное по выполненію. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ

быть грандіознѣе сейчасъ указаннаго плана автора? В. Самуиловъ ставитъ подъ главенство Евсевія Кесарійскаго не какую-нибудь группу аріанъ (что допускалось историками до сихъ дней), но чуть не всѣхъ аріанъ „Востока и Запада“ (Христ. Чт. 1891, I, 123), Европы, Азіи и Африки,— аріанъ: и грековъ, и латинянъ (латинянъ чистой и пунической крови). Нѣтъ, до такихъ Геркулесовыхъ столбовъ не доходилъ не только я, но и никто на свѣтѣ. Пусть онъ и отвѣчаетъ за „свое открытіе“. Приписывать это открытіе кому-либо другому у автора не можетъ быть основаній—и меньше всего—приписывать мнѣ. Мы не можемъ взять на себя *вины* „открытія“, сдѣланнаго авторомъ,— пусть онъ самъ отвѣчаетъ за него. Насъ безмѣрно удивило заявленіе автора, что онъ нашъ приверженецъ, лишь „мотивировавшій наши-же мысли“. Для того, чтобы сдѣлать насъ компаніономъ „открытія“, авторъ съ свойственнымъ ему умѣньемъ извратилъ дѣйствительныя наши воззрѣнія, раскрытыя въ нашей книгѣ: „Вселенскіе соборы IV-го и V-го вѣка“. Онъ съ торжествомъ выписываетъ изъ этой книги слѣдующія выраженія: „что эта ¹⁾ группа (полуаріанъ на Никейскомъ соборѣ) такихъ именно воззрѣній держалась,—это видно изъ ученія главы ея Евсевія Кесарійскаго“. И еще: „нужно помнить, что партія Евсевія Кесарійскаго была значительна по своему вліянію и численности; изъ нея вышли впоследствии *почти* всѣ дальнѣйшія полуаріанскія движенія *умѣреннаго характера*“. („Отв.“, стр. 408). Эти слова наши и намъ принадлежатъ; но они нисколько не оправдываютъ автора. Вѣдь на Никейскомъ соборѣ была не одна группа Евсевія Кесарійскаго, а еще Евсевія Никомидійскаго. Чтобы не входить въ подробности, приведемъ лишь слѣдующую краткую фразу изъ разсматриваемой авторомъ книги: „на Никейскомъ соборѣ были двѣ партіи: православныхъ и аріанствующихъ; послѣдняя подраздѣлялась на двѣ группы: на приверженцевъ Евсевія Никомидійскаго и Евсевія Кесарійскаго“ (стр. 10) ²⁾. Спрашивается: почему авторъ умолчалъ о группѣ Евсевія Никомидійскаго, которая была тоже дѣятельна на соборѣ

¹⁾ Нужно было прибавить *вторая* аріанская.

²⁾ Слич. стр. 7—9; 12, 28.

Никейскомъ и послѣ этого собора и которую я *никогда не ставилъ* подъ главенство Евсевія Кесарійскаго? Да и говоря о группѣ полуаріанской, предводимой Евсевіемъ Кесарійскимъ, я, какъ видно изъ цитируемыхъ авторомъ словъ, — аріанскія движенія послѣ Никейскаго собора приписываю ей не въ полной мѣрѣ („*почти* всѣ полуаріанскія движенія *умѣреннаго характера*“). Какое же сходство между моими воззрѣніями и воззрѣніями автора? Если-бы авторъ не относилъ къ числу приверженцевъ Евсевія такихъ головорѣзовъ, какъ извѣстные аріанскіе епископы Урсакій и Валентъ, будто-бы признававшіе епископа Кесарійскаго своимъ „первоучителемъ“; если-бы онъ не утверждалъ, что „отличительныя особенности системы Евсевія проходятъ во множествѣ аріанскихъ системъ востока и запада“; если-бы онъ не выдумывалъ партіи „оміевъ“, къ которой онъ относитъ всѣхъ аріанъ—въ качествѣ учениковъ Евсевія, —оставившихъ послѣ себя слѣды ихъ догматизированія (за исключеніемъ евноміанъ и аэціанъ); если-бы онъ, слѣдуя хотя бы Филосторгію, отчетливо выдѣлилъ лицъ аріанскаго направленія, но не бывшихъ ни въ какихъ отношеніяхъ къ Евсевію и его ученію; если-бы онъ не расширялъ предѣловъ партіи Евсевія до такихъ размѣровъ, о какихъ и самъ „Евсевій едва-ли думалъ“ (Христ. Чт. 1891, I, 120. 123); если-бы онъ представилъ опредѣленные и твердыя свидѣтельства въ пользу принадлежности тѣхъ или другихъ аріанъ къ партіи именно Евсевія Кесарійскаго; если-бы онъ собралъ, разобралъ и устранилъ свидѣтельства, неблагоприятныя для его „открытія“, которое самъ онъ называетъ „неожиданнымъ выводомъ“ (ibid. 121), тогда можно было ему говорить, что онъ стоитъ на научной почвѣ и не стоитъ вдалекѣ отъ всѣхъ историковъ, въ томъ числѣ и отъ меня...

Вообще, хотя авторъ увѣряетъ, что будто-бы „тѣ мысли, какія я (его критикъ) просто высказывалъ, онъ старался усиленно и мотивировать“, — хотя такимъ образомъ онъ и силится включить себя въ число моихъ адептовъ, однако-жъ я не могу признать существованія единства моихъ воззрѣній съ его воззрѣніями; а его непонятное желаніе выдать себя за продолжателя моей работы—считаю съ его стороны лишь неудачнымъ полемическимъ приемомъ.

Что наши критическія замѣтки, по поводу его „открытія“, должны были заставить его задуматься, — этого я, конечно, ожидалъ (хотя я и не имѣлъ въ виду его лично, а тѣхъ, кому пришлось-бы имѣть дѣло съ его „открытіемъ“). Я ожидалъ также, что на мою статью онъ отвѣтитъ молчаніемъ, открывая такимъ образомъ возможность для лицъ постороннихъ истолковать это молчаніе или въ смыслѣ пренебреженія къ критикѣ, или въ смыслѣ согласія съ нею. Но я никакъ не ожидалъ того, что дѣйствительно случилось: чтобы онъ написалъ „отвѣтъ“ на нашу статью и въ немъ безжалостно зачеркнулъ интереснѣйшія страницы въ своей книгѣ, разъясняющія сущность его „открытія“. А онъ такъ и поступилъ; объявилъ, что онъ пересталъ быть въ согласіи съ самимъ собой и съ своей книгой,—и хочетъ, чтобъ его признавали за истолкователя моихъ мыслей—какъ ни различны онѣ въ самомъ дѣлѣ отъ его мыслей. Жертва велика. Но принять ее мы не можемъ, ибо мы сомнѣваемся въ искренности, съ какою приносится жертва. Если не ошибаемся, поступая указаннымъ образомъ, авторъ рассуждалъ такъ: какъ скоро я заявлю въ своемъ „отвѣтѣ“, что я въ существѣ дѣла стою на той-же научной почвѣ, на какой и критикъ, то этимъ самымъ лучше всего докажу, что рецензентъ не правъ. Но авторъ забываетъ при этомъ самое главное: допустимъ, что кто-нибудь и повѣритъ, что авторъ изобилуетъ критикомъ напрасно, но вѣдь остается въ наличности его книга, которая хотя и безгласна, но не перестаетъ обличать его, и его „рѣчь“, въ которой онъ похваляется своимъ открытіемъ.

Къ вышеизложенному остается прибавить еще очень немного. Послѣ ознакомленія съ нашею статьей, направленной противъ „открытія“ автора, онъ почувствовалъ, что у него недостаетъ опредѣленныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ въ пользу тѣхъ или другихъ положеній, съ такою увѣренностію раскрытыхъ у него. Онъ началъ искать такія свидѣтельства, но, несмотря на то, что отъ IV-го и V-го вѣка дошло до насъ великое число самыхъ разнообразныхъ церковныхъ сочиненій,—поиски его не возымѣли желаннаго успѣха. Разсмотримъ добычу Самуилова.

Авторъ нашелъ одно свидѣтельство „въ пользу неис-

кренности Евсевія Кесарійскаго“, т. е. въ пользу мнѣнія, что этотъ епископъ принялъ вѣру Никейскую не отъ чистаго сердца, а лицемѣрно. „Св. Евстаѳій, епископъ Антиохійскій, св. отецъ, засѣдавшій на Никейскомъ соборѣ,—говоритъ авторъ, упрекалъ Евсевія, что онъ извращаетъ Никейскую вѣру“ (стр. 417. Цитата изъ Сократа). Признаемся, что мы не понимаемъ: зачѣмъ приводитъ Самуиловъ это свидѣтельство. Въ томъ, что Евсевій принялъ Никейскій символъ не отъ чистаго сердца, въ этомъ мы никогда не сомнѣвались. (См. „Отвѣтъ“, стр. 409 и 410). Въ нашей статьѣ мы обращались къ автору съ требованіями другого рода. Мы говорили: „хотя въ новѣйшей литературѣ приписывается нерѣдко Евсевію неискренность *въ подписываніи символа Никейскаго*, но нужно сознаться, что въ древности никто и никогда не упрекалъ Евсевія въ подобномъ поступкѣ. Еслибы авторъ зналъ такое свидѣтельство, то онъ конечно привелъ-бы его“. Мы, вѣдь, знали, что Евсевій неискренно подписался, и сами держимся такого-же мнѣнія. Но этого недостаточно. Автору нужно было-бы привести определенное свидѣтельство, что *Евсевій подписался не искренно*. Только тогда онъ имѣлъ-бы право относить къ Евсевію одну фразу посланія Валентиніана: „о неискренно подписавшихъ наше исповѣданіе“,—Никейскій символъ. Ибо, нужно сказать, о Евсевіи Кесарійскомъ этого совсѣмъ нигдѣ не говорится (мнѣніе, выражаемое въ этомъ смыслѣ въ литературѣ есть только весьма вѣроятная гипотеза). А утверждается несомнѣнными свидѣтельствами это самое о другихъ извѣстныхъ аріанахъ, къ которымъ удобнѣе всего относить спорную фразу Валентиніана. Спрашивается: зачѣмъ авторъ приводитъ теперь свидѣтельство Евстаѳія? Ясно—единственно зачѣмъ, что онъ не обрѣлъ такого именно свидѣтельства, какое требовалось моею статьей.

Послѣ этого у автора слѣдуютъ два свидѣтельства для удостовѣренія того положенія, что „аріане въ IV-мъ вѣкѣ считали Евсевія защитникомъ своихъ мнѣній“. (ibid). Откровенно сознаемся, что мы совершенно недоумѣваемъ, для покрытія какихъ именно дефектовъ своего сочиненія понадобились автору эти свидѣтельства. Быть можетъ для того, чтобы доказать намъ, что аріане считали Евсевія и его прямыхъ приверженцевъ „своими отцами“. Такого

рода свидѣтельствъ мы дѣйствительно требовали отъ автора въ виду крайней надобности для него обладать таковыми. Впрочемъ, рассмотримъ самыя свидѣтельства, тогда, можетъ быть, дѣло будетъ яснѣе. 1) „Сократъ историкъ IV (V?) вѣка говоритъ (читаемъ у автора): „заблуждаются ариане, почитая его (Евсевія Кесарійскаго) мыслящимъ одинаково съ ними“ (ibid). Что пользы въ такомъ свидѣтельствѣ для Самуилова? Это показаніе Сократа не даетъ ничего новаго. По крайнѣй мѣрѣ, мы всегда признавали и теперь признаемъ, что у Евсевія были сторонники (ibid. 408), Это свидѣтельство имѣло-бы значеніе, еслибы оно опредѣляло размѣры и характеръ вліянія Евсевіанскаго ученія на арианъ, наприм., еслибы оно удостовѣряло: что хамелеоны религіозной мысли Урсакій и Валентъ, а также Гаій изъ Панноніи и Авксентій Миланскій „иниціаторы и главные представители арианскаго движенія на западѣ“ (Христ. Чт. 1891. I, 120), почитали Евсевія своимъ „первоучителемъ“; что „отличительныя особенности системы Евсевія прошли во множествѣ арианскихъ системъ Востока и Запада“; что „всѣ оміи“ всѣхъ временъ считали Евсевія духовнымъ вождемъ своимъ (ibid. 121); что кто-либо изъ послѣдователей Евсевія (въ особенности многіе) учили такъ-то или такъ-то, слѣдуя Евсевію; какъ великъ былъ кружокъ учениковъ Евсевія и чѣмъ они себя ознаменовали въ церкви, и пр. и пр. Еслибы Самуилову удалось отыскать важныя свидѣтельства въ подобномъ родѣ, то я призналъ-бы себя побѣжденнымъ. Но, какъ видимъ, не таково разбираемое свидѣтельство, добытое у Сократа. 2) Второе свидѣтельство столь-же мало оправдываетъ надежды, какъ и сейчасъ рассмотренное. Авторъ пишетъ: „Теодоритъ, историкъ, свидѣтельствуется, что Евсевій былъ предметомъ удивленія для арианъ“ (407). Съ перваго взгляда еще можетъ показаться, что какъ будтобы это свидѣтельство не безъ значенія. Былъ предметомъ удивленія для арианъ! Значитъ, многіе чтили его, значитъ его партія. повидимому, состояла изъ горячихъ энтузіастовъ, проникнутыхъ восторгомъ по отношенію къ вождю. Читатель, вы обманулись, если хоть на минуту подумали именно такъ. Свидѣтельство изъ Теодорита ничтожно. Оно приведено Самуиловымъ по причинѣ недостаточности его знакомства съ указаннымъ исто-

рикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, посудите, читатель. Авторъ приказываетъ намъ читать 11-ю главу первой книги Θεодоритовой исторіи. Открываемъ соотвѣтствующее мѣсто и находимъ, что упомянутыя Самуиловымъ слова находятся здѣсь полностію. Кромѣ того дѣлаемъ то наблюдение, что данная замѣтка историка объ аріанахъ, повидимому, не заходитъ за предѣлы его повѣствованія о первомъ вселенскомъ соборѣ (325 г.). Это одно уже насъ нѣсколько разочаровываетъ: значить, онъ говоритъ объ аріанахъ эпохи доникейской и эпохи лишь Никейскаго собора. А Самуилову, и въ слѣдъ за нимъ и намъ, очень желательно-бы имѣть *подобное-же* свидѣтельство о послѣдователяхъ Евсевія послѣ Никейскаго собора. Вообще намъ нужно свидѣтельство такого рода, которое указывало-бы впередъ отъ эпохи Никейскаго собора и—чѣмъ на большее пространство времени простиралось-бы оно — тѣмъ лучше. Но не станемъ слишкомъ разочаровываться. Быть можетъ намъ удастся открыть имена тѣхъ аріанъ, которые удивлялись Евсевію; а эти имена, быть можетъ, окажутся принадлежащими лицамъ второй половины IV-го и даже V-го вѣка. Начинаемъ допытываться: какихъ именно аріанъ разумѣетъ въ указанномъ мѣстѣ Θεодоритъ? Перевертываемъ одинъ листъ назадъ въ исторіи Θεодорита и въ самомъ началѣ той-же (11) главы встрѣчаемъ другую замѣтку объ отношеніи аріанъ къ Евсевію. Въ этой замѣткѣ говорится, что „они (аріане) чествовали Евсевія, какъ своего единомышленника“. Какъ видимъ, это свидѣтельство, по своему характеру, тождественно съ вышеуказаннымъ изъ того-же Θεодорита. Но странно, почему Θεодоритъ не упоминаетъ именъ этихъ почтительныхъ къ Евсевію аріанъ? Зачѣмъ онъ, говоря о какихъ-то аріанахъ, мистифицируетъ читателя, причемъ оставляетъ неизвѣстными не только ихъ имена, но и самую численность ихъ? Возникаетъ естественный вопросъ: да не говоритъ-ли онъ здѣсь о такихъ аріанахъ, о которыхъ упоминалось имъ раньше и имена которыхъ хорошо извѣстны его читателямъ? Перевертываемъ еще нѣсколько листовъ назадъ и мы находимъ разгадку. Въ 4-й и 5-ой главахъ здѣсь помѣщены два письма: первое — письмо Арія къ Евсевію Никомидійскому, второе — письмо этого послѣдняго къ Павлину Тирскому. Въ томъ и другомъ письмѣ встрѣ-

чаемъ нѣсколько выражений, которыя безапелляціонно рѣшаютъ вопросъ о какихъ-такихъ, исполненныхъ удивленія въ отношеніи къ Евсевию, аріанахъ идетъ рѣчь въ 11-ой главѣ 1-ой книги Θεодорита. Въ 4-ой главѣ, приведши полностью письмо Арія къ Евсевию Никомидійскому, Θεодоритъ перечисляетъ всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ письмѣ, въ заключеніе-же замѣчаетъ: „лишь этими-то согласными съ нимъ лицами могъ хвалиться Арій“. Захочетъ-ли авторъ признать Арія ученикомъ и послѣдователемъ Евсевія? ¹⁾ Въ другомъ письмѣ (гл. 5) Евсевій Никомидійскій, прославляя ревность Евсевія Кесарійскаго къ аріеву ученію,

¹⁾ Да и почему-бы автору не сдѣлать попытки въ этомъ родѣ? Съ точки зрѣнія Самуилова это дѣло не представляетъ большихъ трудностей и непреодолимыхъ препятствій. Авторъ открылъ между произведеніями Арія одно сочиненіе -- письмо къ епископу Александру Александрійскому— „вполнѣ омійскаго характера“. („Истор.“ 26. Отвѣтъ“, 422). Если оно „вполнѣ омійскаго характера“, то почему не признавать сочинителя „оміемъ“, т. е. послѣдователемъ Евсевія Кесарійскаго? Тѣмъ болѣе, что по словамъ Самуилова „письмо Арія къ Александру“— есть „плодъ вліянія покровительствующихъ ему епископовъ“ („Истор.“ 26),—т. е. конечно Евсевія Кесарійскаго главнымъ образомъ. Если у Арія есть письмо „вполнѣ омійскаго характера“, если это письмо внушено Евсевию Кесарійскимъ, то ничто, кажется, не препятствуетъ провозгласить Арія за послѣдній періодъ его жизни ученикомъ Евсевія и оміемъ. Правда, сказанное письмо, съ чѣмъ, полагаемъ, каждый согласится,—не носитъ чертъ омійства, т. е. въ немъ нѣтъ ученія о подобіи Сына Божія Отцу, и даже заключаетъ черты грубоватаго аріанизма, но, если угодно было автору признать это письмо носящимъ „вполнѣ омійскій характеръ“, то ничто не препятствуетъ автору-же объявить Арія оміемъ нѣкоторой низшей степени. Вѣдь причислил-же онъ Евсевія Никомидійскаго къ оміямъ, хотя омійства у него очень мало: чрезвычайно выгодно для этого послѣдняго было то, что онъ держался послѣ Никейскаго собора шаткихъ догматическихъ понятій; но вѣдь въ подобномъ-же положеніи находился и Арій, послѣ возвращенія изъ ссылки? Притомъ, если по предположенію автора даже *чиновники, быть можетъ, были сами омійскіе убѣжденій* („Истор.“ 89), то почему прямо не причислить и ех-пресвитера Арія къ оміямъ и единомышленникамъ Евсевія? Съ точки зрѣнія автора, препятствій—повторяю—нѣтъ. Если-бы авторъ сколько нибудь затруднился такимъ дѣломъ, то можно придти къ нему на помощь, и, при содѣйствіи того самого метода, который (чрезъ сравненіе системъ Евсевія и разныхъ аріанъ) позволяетъ автору привлечь въ число оміевъ даже Ульфилу,—повести дѣло успешно. Историко-философскіе взгляды, такимъ образомъ, расширятся: почти воѣ аріане будутъ сведены къ одной и широчайшей группѣ: евсевіанъ—кесаріанъ.

прибавляетъ: „мы радовались (по этому случаю) за Евсевія“ (Кесарійскаго). Вотъ вамъ и еще восторгающійся единомышленникъ Евсевія Кесарійскаго. вмѣстѣ съ Аріемъ и Евсевіемъ Никомидійскимъ быть можетъ и еще кто-нибудь изъ первоначальныхъ аріанъ удивлялись нашему Евсевію. Каково разочарованіе! Что узнали мы новаго изъ цитируемаго Самуиловымъ свидѣтельства? Да ничего. Вѣдь это все мы знали, начиная съ тѣхъ временъ, какъ сидѣли еще на школьной скамьѣ. Самуилову нужно было доказать, что Евсевій имѣлъ учениковъ и адептовъ послѣ Никейскаго собора (послѣ появленія въ свѣтъ его знаменитаго посланія къ Кесарійцамъ), чтобы такимъ образомъ доказать его великое вліяніе на Востокъ и Западъ; но такихъ свидѣтельствъ авторъ не зналъ прежде, не отыскалъ и теперь. Новаго очевидно ничего нѣтъ въ его новыхъ свидѣтельствахъ. Печальная судьба! Не помогаетъ автору и вся богатая церковная литература IV-го и первой половины V-го вѣка.

Считаю умѣстнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: кто хочетъ составить правильное представленіе о партіи Евсевія Кесарійскаго послѣ Никейскаго собора, тотъ долженъ принять во вниманіе, съ одной стороны, старанія отцовъ и писателей церковныхъ IV-го и V-го вѣка щадить память Евсевія, — съ другой — скептическія отношенія къ Евсевію нѣкоторыхъ изъ аріанъ, въ родѣ Филосторгія, и въ этихъ сравнительно не широкихъ границахъ искать и помѣщать представителей Евсевіанскаго направленія съ ихъ характеристическими особенностями: Филосторгій указываетъ, что лицъ, единомышленныхъ еъ Евсевіемъ слѣдуетъ не ставить близко къ дѣйствительнымъ аріанамъ; а отцы и писатели церковные, старавшіеся щадить память Евсевія, уполномочиваютъ придвигать его партію почти къ самому центру православія. Конечно, выполнить подобную задачу не легко. Но нужно помнить, что всякое дѣйствительно хорошее дѣло, — для приведенія его въ исполненіе, — требуетъ усилій и труда ¹⁾.

¹⁾ Авторъ въ своей антикритикѣ уличаетъ насъ въ значительныхъ, по его мнѣнію, противорѣчіяхъ, открываемыхъ имъ между нашей книгой: „Вселенскіе соборы IV-го и V-го вѣка“ (1879 г.) и нашей статьёй по по-

Еще два слова. На первыхъ строкахъ своего „отвѣта“ г. Самуиловъ пишетъ, что „въ виду тяжкаго обвиненія“ возводимаго на него нами (въ первой статьѣ) и касающагося помимо него самого „и лицъ, присудившихъ ему за названное сочиненіе („Исторія аріанства“ и пр.) ученую степень“, — онъ принимаетъ обязанность отвѣчать и за себя и въ огражденіе лицъ, присудившихъ ему степень. Не знаемъ точно — о чемъ собственно здѣсь рѣчь. Во всякомъ случаѣ думаемъ, что послѣднюю задачу беретъ на себя авторъ вполне добровольно и, такъ сказать, на свой страхъ. Мы, съ своей

воду его произведенія: „Исторія аріанства“. Указываемыя авторомъ противорѣчія я считаю фиктивными, изобрѣтенными ради успѣха въ полемикѣ. (Вотъ замѣчательный образецъ метода — сопоставлять тексты, предлагаемаго авторомъ въ его работахъ! Какъ здѣсь авторъ усиливается находить противорѣчія, гдѣ нѣтъ ихъ; такъ, сравнивая тексты аріанскіе съ Евсевіанскими въ своей книгѣ, онъ искусственно находитъ сходство, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ, и кичится этимъ, какъ ученой заслугой: „Отвѣтъ“, стр. 412. Но это сравненіе, какъ совершенно искусственное, теряетъ всякое значеніе — при отсутствіи сколько нибудь авторитетныхъ свидѣтельствъ, какъ относительно существованія значительнаго кружка почитателей Евсевія, въ особенности изучавшихъ его сочиненія, такъ и относительно широты распространенности его сочиненій и хоть какого-либо вліянія ихъ на его послѣдователей въ области догматики). Въ теперь разсматриваемомъ случаѣ допустить можно одно: разницу въ интонаціи между указанными моими работами; но это легко объясняется разностью характера и назначенія самыхъ работъ. Дѣйствительное противорѣчіе указано авторомъ одно: оно помѣчено на стр. 411 („Отвѣта“) подъ строкой. Г. Самуиловъ, по моему мнѣнію, вполне доказалъ въ своей книгѣ, что Евсевій не держался мнѣнія о тварной природѣ Сына Божія. Я не вижу оснований крѣпко стоять за противоположное воззрѣніе, высказанное мною въ книгѣ „Вселенскіе Соборы“ — въ видѣ, хотя и твердаго, но все же предположенія. — Но вотъ для меня поистинѣ непонятная вещь: зачѣмъ было автору отыскивать противорѣчія между указанными моими работами? Развѣ противорѣчія въ моихъ сочиненіяхъ, если бы они оказались, могли сколько нибудь помочь разъясненію вопросовъ, поднятыхъ мною по поводу книги автора? Не затемнило-ли это самыхъ вопросовъ и не отвлекло-ли его отъ дѣла, — т. е. болѣе серьезнаго обсужденія возраженій, высказанныхъ мною противъ него? Анализируя „открытіе“ автора, — я отнюдь не касался вопроса о противорѣчіяхъ, встрѣчающихся въ его книгѣ. Еслибы я хоть слегка коснулся этой стороны довольно нескладной диссертации Самуилова, то я едвали выбрался-бы изъ тѣхъ противорѣчій, которыми богата его книга. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, прочтемъ первую страницу книги

стороны, не менѣе автора проникнуты желаніемъ всячески оградить лицъ, содѣйствовавшихъ Самуилову увѣнчаться степенью магистра, и сожалѣемъ, что не выразили этой мысли въ нашей прежней статьѣ. Впрочемъ, я полагаю прежде и полагаю теперь, что, назвавъ (совершенно серьезно) въ указанной статьѣ сочиненіе автора исполненнымъ „блестящей эрудиціи“, я тѣмъ самымъ уже заявилъ, что оффиціальная академическая критика имѣла право увѣнчать автора ученой степенью. Ибо „блестящая эрудиція“—явленіе рѣдкое. Что-же касается до идей, выводовъ и комбинацій, заключающихся въ какой-бы то ни было диссертациі (подъ условіемъ разумѣется ихъ православія), то академіи, произнося оффиціальныи судъ о достоинствахъ диссертациі, ни мало не отвѣчаютъ за нихъ ни предъ кѣмъ. Въ противномъ случаѣ даже всѣ въ совокупности Академіи по сію пору не пропустили-бы—какъ удовлетворяющихъ безчисленнымъ научнымъ требованіямъ—и десятка сочиненій. Къ вышеизложенному еще долженъ прибавить: въ сочиненіи Самуилова—сказалъ я—видна блестящая эрудиція,—ясный знакъ опытныхъ руководителей, въ которыхъ ему, нѣтъ сомнѣнія, такъ посчастливилось.

Самуилова. Здѣсь встрѣчаемъ такую фразу: „объ аріанствѣ не только міряне, но и большинство западныхъ епископовъ не имѣло никакого понятія. Первое смутное представленіе объ аріанской догматикѣ является въ припискѣ къ посланію Сардикійскаго собора и только въ 357 году“ и пр. Въ этой фразѣ заключается скопленіе многихъ противорѣчій. Она заключаетъ противорѣчія и общезвѣстнымъ фактамъ и собственнымъ воззрѣніямъ автора. Спрашивается: развѣ Осія, вернувшись на западъ послѣ собора Никейскаго, молчалъ объ аріанствѣ? Развѣ цалскіе легаты, возвратившіеся домой послѣ этого-же собора, не привезли съ собой экземпляра Никейскаго символа съ анафематизмами? Развѣ, по словамъ самого автора, 17-лѣтніе мальчишки Урсакій и Валентъ—жители той части Иллирика, которую авторъ считаетъ латинскимъ западомъ, не узнали аріанскаго ученія лично отъ Арія, сосланнаго въ Иллирикъ въ 325-мъ году (стр. 5)? Развѣ Аѳанасій Великій, удаленный въ ссылку въ Галлію еще при Константинѣ, никому не разъяснялъ: что за лжеученіе явилось на Востокѣ? Развѣ на соборѣ Римскомъ 341 года, гдѣ засѣдали кромѣ Аѳанасія, нѣкоторые епископы изъ Палестины и Сириі—въ сонмѣ западныхъ епископовъ и пресвитеровъ могло и не быть рѣчи объ аріанствѣ? Развѣ Востокъ и Западъ отдѣлены были тогда китайской стѣною? Такъ-то написана *первая* страница книги Самуилова.

Примѣчаніе. — Большая часть статьи Самуилова посвящена разбору нашихъ возраженій противъ его пониманія отрывка изъ посланія (указа) императора Валентиніана, находящагося въ исторіи Феодорита. Идти за авторомъ и разсматривать его оправданія шагъ за шагомъ считаемъ дѣломъ бесполезнымъ: мы съ авторомъ нисколько не приближаемся, а еще болѣе удаляемся отъ цѣли — разъясненія дѣла. Поэтому разсмотрѣніе этого спора лучше предоставить будущимъ изслѣдователямъ вопроса объ отношеніи аріанъ къ Евсевію и Евсевія къ аріанамъ (каковыхъ изслѣдователей быть можетъ и не придется ожидать слишкомъ долго). Сами-же ограничимся тѣмъ, что исчислимъ въ видѣ вопросовъ существеннѣйшія возраженія по поводу мнѣній автора, относящихся къ вышеуказанному посланію: 1) можно-ли подъ лицами „не искренно подписавшими“ (*μη ἀληθινῶς ὑπογράψαντες*), о которыхъ упоминаетъ Валентиніанъ, непременно признавать Евсевія Кесарійскаго и его послѣдователей, когда нельзя найти относительно его и его приверженцевъ ни одного свидѣтельства въ подобномъ родѣ и когда однакоже есть именно такія свидѣтельства о другихъ аріаныхъ — Евсевіи Никоидійскомъ, Патрофилѣ и др. — у Евстаѳія Антиохійскаго, Руфина (на основаніи греческихъ сообщеній) и Аванасія? 2) Кого аріане, характеризуемые у Валентиніана, называли своими „отцами“ (*πατέρας... καλοῦντες*) — Евсевія-ли Кесарійскаго и его приверженцевъ, — когда нѣтъ ни одного аріанскаго указанія, что аріане такъ именно величали этихъ лицъ, и когда есть яснѣйшія свидѣтельства, что аріане имѣли обыкновеніе именовать „отцами“ членовъ аріанскаго Антиохійскаго собора 341-го года, и когда эти свидѣтельства повторяются не разъ въ источникахъ? 3) Почему подъ лицами по своему перетолковывавшими терминъ *τὸ ὁμοούσιον* и „не обращающими вниманія на силу слова“ (*τὴν δύναμιν τῆς λέξεως ἀθετήσαντες*) нужно будто-бы разумѣть Евсевія Кесарійскаго и его приверженцевъ, когда этимъ дѣломъ съ увлеченіемъ занимались множество аріанъ — и прямо или не прямо цѣлые аріанскіе соборы — Антиохійскіе и Селевкійскіе? 4) На какомъ основаніи выраженіе Валентиніана „Послѣдую написавшимъ“ (*τοῖς γράψασιν*) *) нужно относить къ Евсевію, написавшему посланіе къ Кесарійцамъ, когда это посланіе написано Евсевіемъ въ качествѣ пастыря къ своимъ пасомымъ, слѣдовательно отъ одного лица, и когда тоже выраженіе („написавшимъ“) можетъ быть удобно

---

*) Пользуюсь случаемъ указать на приключеніе, случившееся съ указаннымъ въ текстѣ греческимъ словомъ. У меня оно переведено выраженіемъ: „писаніями“ (какъ объ этомъ предупредительно заявлено въ „отвѣтѣ“ автора), а у г. Самуилова другимъ выраженіемъ: „мнѣніями“ (въ его „рѣчи:“ Хр. Чт. 1891, I, 120). Возникаютъ вопросы: чей переводъ хуже? Отчего могъ происходить неправильный переводъ въ томъ и другомъ случаѣ? Но хотя въ томъ и другомъ случаѣ — не опечатки, а ошибки, не станемъ тратить времени на разъясненіе вышеуказанныхъ вопросовъ — тѣмъ болѣе, что отъ этихъ ошибокъ ничего не потеряла ни наука (если о ней можетъ быть рѣчь при семъ неудобномъ случаѣ), ни даже здравый человѣческій смыслъ, а поблекли лишь ореолы сочинителей.

прилагаемо къ членамъ соборовъ Антиохійскихъ и Селевкійскаго, которыя составили многія аріанскаго духа вѣроопредѣленія? 5) Почему ученіе о подобіи Сына Божія Отцу, обличаемое у Валентиніана, (*τὸ ὁμοῦν δηλοῦσθαι διὰ τοῦ ὁμοουσίου*) надлежитъ только искать у Евсевія въ его посланіи къ Кесарійцамъ, а не аріанскихъ вѣроопредѣленій соборовъ Антиохійскихъ и въ особенности Селевкійскаго? 6) Почему Валентиніанъ, если нѣкоторыя выраженія для характеристики аріанъ дѣйствительно заняты имъ изъ посланія Евсевія, передаетъ мысли этого посланія въ извращенномъ видѣ? Почему Валентиніанъ, если онъ писалъ подъ вліяніемъ посланія Евсевія, выраженіямъ Евсевія, имѣющимъ утонченный аріанскій смыслъ, придаетъ смыслъ грубо-аріанскій? *) 7) Почему Валентиніанъ, если онъ имѣетъ въ виду обличить кунно съ аріанами и Евсевія и его послѣдователей приписываетъ этимъ послѣднимъ ученіе о тварной природѣ Сына Божія, — ученіе, котораго нѣтъ у Евсевія (какъ это основательно доказалъ г. Самуиловъ)? 8) Почему Валентиніанъ, если онъ имѣлъ въ виду Евсевія и его посланіе въ Кесарійцамъ — какъ главнѣйшіе объекты обличенія — не назвалъ обличаемыхъ прямо: Евсевія и его посланіе? 9) Почему сходство между посла-

---

*) Кстати здѣсь разъясимъ споръ автора со мной по поводу одного выраженія Евсевія, имѣющаго отношеніе къ вопросу о смыслѣ аріанскаго ученія этого лица. Въ своемъ „отвѣтѣ“ (419) авторъ приводитъ выраженіе Евсевія: *ἀγεννήτως* и указываетъ, что я перевожу это словами „не родившись, не воплотившись“ (послѣднее слово очевидно у меня не переводъ, а поясненіе по соображенію съ контекстомъ всего отрывка). Кажется, что тутъ особеннаго? Но авторъ сумѣлъ воспользоваться во вредъ мнѣ и этимъ моимъ переводомъ. Черезъ страницу (420) онъ къ тяжкимъ погрѣшностямъ моихъ переводовъ относитъ то, что я „*ἀγεννήτως*“ передало русскимъ словомъ „не воплотившись“ (авторъ здѣсь подмѣнилъ пояснительнымъ русскимъ словомъ, мною употребленнымъ, мое переводное). Впрочемъ не въ этомъ суть дѣла. Если слово *ἀγεννήτως* нужно переводить только выраженіемъ; „не родившись“ и относить его къ Сыну Божію, пребывающему въ лонѣ Отца, то получается такой смыслъ, который будетъ не благопріятенъ интересамъ г. Самуилова. Фраза, откуда берется разбираемое слово, читается у Евсевія такъ: „прежде, чѣмъ родился въ дѣйствительности (*ἐνεργεία*) былъ (Сынъ) въ Отцѣ въ возможности (*δυνάμει*) — не родившись“ (*ἀγεννήτως*). Если, всю эту фразу со словами „не родившись“ — включительно, станемъ понимать, устранивъ представленія о воплощеніи, то ясное дѣло выйдетъ, что Евсевій есть аріанинъ, единомышленный съ самимъ Аріемъ (См. подобную-же фразу одного анонія изъ Филосторгія въ первой нашей статьѣ. стр. 348), потому что она будетъ равнозначаща съ выраженіями Арія: „было, когда ве было“ (Сына—*οὐκ ἦν π, ὁ τοῦ γεννηθῆναι ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν*—Сына). Но въ такомъ случаѣ Сынъ по ученію Евсевія произошелъ во времени, есть твореніе. А если такъ, то Самуиловъ совершенно ошибается, раскрывая въ своей книгѣ (47 et passim) и въ своей „рѣчи“ положеніе, что Евсевій рѣшительно отрицалъ аномійскій (т. е. Аріевъ) выводъ, что Сынъ Божій есть твореніе.

ніемъ Валентиніана и посланіемъ Евсевія—не простирается дальше буквы, если имѣлось въ виду обличить, конечно, не мертвую грамоту, а живыя мысли? 10) Если послѣдователи Евсевія въ самомъ дѣлѣ читали посланіе Евсевія, пользовались его выраженіями, но придавали имъ совсѣмъ другой смыслъ, то можно-ли разсуждать о вѣрныхъ ученикахъ Евсевія въ догматикѣ? Не справедливѣе-ли было-бы утверждать, что хотя нѣкоторыя лица изъ аріанъ и читали его сочиненія, но совсѣмъ ихъ не понимали? Не значить-ли это, что пора вліянія Евсевія на его учениковъ прошла и начиналась уже пора забвенія въ отношеніи къ этому учителю? Можно-ли ограниченнаго семинариста, списавшаго проповѣдь Филарета съ сокращеніями, удержавшаго слова Филарета, но извратившаго ихъ смыслъ,—назвать ученикомъ Филарета? Если Гегель умирая говорилъ, что у него былъ одинъ ученикъ, да и тотъ его не понималъ, то не болѣе основаній утверждать, что около 370-го года хотя и были у Евсевія послѣдователи, но лишь извращавшіе его идеи? Кого вообще мы назовемъ учениками извѣстнаго лица, учащаго богословію, — тѣхъ-ли, кто запомнилъ слова учителя, не понимая ихъ смысла, или тѣхъ, кто понимаетъ этотъ послѣдній? Вообще, можно-ли разсуждать о послѣдователяхъ Евсевія, когда они помнили букву его писаній и не разумѣли его мыслей? 11) Могъ-ли Валентиніанъ пользоваться посланіемъ Евсевія какъ такимъ, какое слѣдуетъ обличать, послѣ того, какъ Аѳанасій присоединилъ это посланіе къ своему сочиненію: *De Nicaenis decretis* въ цѣляхъ апологетическихъ (около 352-го года)? Не была-ли бы оскорблена такимъ поступкомъ великая личность Аѳанасія, который тогда былъ живъ? Могъ-ли Валентиніанъ допустить подобный шагъ, когда онъ составлялъ свое посланіе подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ членовъ собора Иллирійскаго (православнаго), которые конечно знали, какъ смотритъ Аѳанасій на посланіе Евсевія къ Кесарійцамъ? 12) Наконецъ, не слѣдуетъ-ли признать, что „посланіе Валентиніана“—этотъ документъ „очень странный при обычномъ взглядѣ на аріанство“ (по выраженію Самуилова: Христ. Чт. 1891. I, 119), такъ и долженъ оставаться „очень страннымъ“ и послѣ всѣхъ разъясненій нашего автора на этотъ счетъ? Что потеряетъ отъ этого наука? Право, не лучше-ли, кажется, не обольщаться не „обычнымъ взглядомъ“ на аріанство, оставаясь при обычномъ взглядѣ на это явленіе — и позабыть, что существуетъ посланіе Валентиніана въ нѣкоторыхъ фразахъ похожее на посланіе Евсевія?

Мы взяли на себя трудъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разобрать сочиненіе Самуилова. Прежняя наша статья по поводу этой книги вызвала досаду и раздраженіе у автора, съ которыми онъ и обращается къ намъ въ своемъ „отвѣтѣ“. Мы однакожь не раскаиваемся въ томъ, что приняли за такое дѣло, за которое намъ пришлось отъ автора выслушать много непріятнаго. Книга Самуилова — повторяю—составляетъ исключительное явленіе и потому заслуживала вниманія; она написана съ рѣдкой ученостью, но въ тоже время авторъ ея позволяетъ себѣ выступать съ такими, исполненными претензій, идеями и комбинаціями, что молчать было невозможно. Не я, такъ кто нибудь другой долженъ-же былъ-бы оцѣнить по достоинству то, что я называю „открытіемъ“ автора. Я чувствую,

что свой долгъ я исполнилъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Полемику съ ложными положеніями книги, но выдаваемыми за научныя, вмѣняю себѣ въ заслугу.

А. Лебедевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

Вышла изъ печати и продается при Совѣтѣ Братства Преподобнаго Сергія (въ Сергіевомъ Посадѣ Моск. губ.) новая книга:

Сочиненія В. Д. Кудрявцева-Платонова. Томъ II. Исслѣдованія и статьи по естественному богословію. Вып. I. *Изданіе Братства Преподобнаго Сергія.* Сергіевъ Посадъ, 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Весь доходъ отъ продажи этой книги, по завѣщанію автора, поступаетъ въ пользу нуждающихся студентовъ и воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. Подписывающіеся на весь II-й томъ, состоящій изъ 3-хъ выпусковъ, платятъ 4 рубля.

Тамъ же и съ тою же благотворительною цѣлію продаются слѣдующія изданія:

1. Проф. В. Кудрявцева. **Введеніе въ философію.** Ц. 40 к.
2. Его-же. **Начальныя основанія философіи.** Ц. 1 р. 75 к.
3. Его-же. **Объ источникѣ идеи Божества.** Ц. 20 к.
4. И. К.—аго. **Викторъ Димитріевичъ Кудрявцевъ.** (Некрологъ). Ц. 10 к.
5. Архим. Леонида. **Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ библиотеки Московской Дух. Академіи.** Вып. 1 и 2. Ц. 3 р.
6. Протоіерея Флоринскаго. **Согласно ли съ Евангеліемъ дѣйствовалъ и училъ Лютеръ?** Ц. 15 к.
7. Протоіерея А. Иванцова-Платонова **Къ изслѣдованіямъ о Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ.** Ц. 2 р. 50 к.

Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра: Жизнеописаніе преподобнаго Сергія и Путеводитель по лаврѣ, Е. Голубинскаго, изданн. Московскою Духовною Академіею къ 500-лѣтію кончины преподобнаго Сергія Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 25 к. Продается въ Москвѣ въ лучшихъ магазинахъ; иногородные выписываютъ изъ Академіи по адресу: въ Сергіевскій Посадъ, Московск. губ., въ редакцію «Богословскаго Вѣстника».
